

УДК 94(470)"19"

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
МОЛОДЕЖИ ТАТАРИИ В УСЛОВИЯХ ОТХОДА
ОТ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ
(конец 80-х – начало 90-х годов XX века)**

А. С. Бушуев

Аннотация

В статье на основе анализа неопубликованных архивных материалов характеризуется процесс изменения политического сознания и общественно-политической активности молодежи Татарской АССР в условиях перестройки, кризиса советской общественно-политической системы и отхода от официальной идеологии. Показано, что на формирование политического сознания молодежи в этот период большое влияние оказали новые источники информации, появившиеся благодаря гласности, а также развитие неформальных и национальных движений в республике.

Ключевые слова: политическое сознание, молодежь, социально-политическая активность, Республика Татарстан.

Конец 80-х – начало 90-х годов XX века – это непростой период в истории нашей страны. Многообразие и сложность общественных явлений и процессов, обозначившихся уже в середине 80-х годов, положили начало серьезным изменениям в политическом сознании советской молодежи, что в свою очередь сказалось на ее общественно-политической активности.

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), будучи единственной в Советском Союзе массовой молодежной организацией общественно-политической направленности, объединял активную молодежь и долгие годы занимал лидирующие позиции по своему авторитету и влиянию на нее. Становление советских граждан происходило через преодоление своеобразных «ступеней взросления»: сначала они были октябрятами, пионерами, затем комсомольцами. Таким образом, подавляющее большинство молодых людей по всей стране и в республике было охвачено обширной системой политической и комсомольской учебы.

Комсомол был призван помогать партии и правительству воспитывать юношей и девушек на идеях марксизма-ленинизма и обеспечивать постоянный приток в коммунистическую партию новых членов – активных строителей коммунизма.

Важнейшим фактором формирования политического сознания комсомольской молодежи выступала деятельность ВЛКСМ. В соответствии с Уставом

ВЛКСМ каждый его член был обязан работать в среде молодежи, показывать пример в труде, учебе, соблюдать комсомольскую дисциплину, выполнять комсомольские поручения и т. д. (Уст., с. 5). Результаты исследования, проведенного отделом пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС среди молодежи республики в 1987 г., показали, что постоянно выполняют общественные поручения 77% школьников, 52% студентов техникумов и 34% учащихся ПТУ (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 290. Л. 46). Молодые люди также активно участвовали в комсомольском самоуправлении: школу общественно-политической работы в комсомоле только в рассматриваемый нами период прошли десятки тысяч человек.

Идейно-политическому воспитанию молодежи и партийному руководству этим процессом в условиях перестройки уделялось большое внимание. Ежегодно лекторами общества «Знание» в Татарии прочитывалось несколько десятков тысяч лекций, проводилось множество школ и семинаров по различной общественно-политической тематике (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 13. Д. 156 а. Л. 8). Охват молодежи этими формами политучебы был массовым. Только комсомольскую политическую учебу в 1988/89 уч. г. прошли более 79 тыс. комсомольцев республики, что составляло 18.4% от общего численного состава областной комсомольской организации, а в политических школах и семинарах было задействовано 27 тыс. комсомольцев (подсчитано по ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1656. Л. 1–183; Д. 1657. Л. 15; Ф. 4034. Оп. 49. Д. 94. Л. 80–80 об.).

Необходимо подчеркнуть, что в доперестроечный период официальная идеология оказывала значительное влияние на процесс социализации молодежи, формирование ее убеждений, общественно-политических взглядов. Главным образом это влияние осуществлялось благодаря тому, что молодой человек постоянно находился под контролем старших товарищей, которые помогали встать на идеологически «правильный» путь. Нельзя не отметить, что система политического воспитания молодежи имела преимущественно просветительский, часто доктринерский характер. Государство поддерживало позицию исключительного патернализма в отношении молодежи, следствием чего было то, что ей навязывалась центральная линия партии и правительства, на собраниях ВЛКСМ общалось лишь о решениях очередных партийных съездов, пленумов, а вопросы, насущные проблемы, волновавшие молодое поколение, даже не предлагались к обсуждению. Вся сообщаемая информация, таким образом, носила крайне идеологизированный характер.

Известно, что важной характеристикой политического сознания индивида или группы лиц, общности является политическая компетентность, то есть то, насколько хорошо молодой человек или молодежь в целом ориентируется в вопросах политики. Безусловно, невозможно быть вполне компетентным, не имея хотя бы простого интереса к политической сфере. Исследование, проведенное в 1987 г. специалистами научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы (НИЦ ВКШ) при ЦК ВЛКСМ, выявило рост интереса у советской молодежи как к внутривнутриполитической, так и к внешнеполитической жизни страны. 65% молодых людей отметили возрастающий интерес к событиям внутривнутриполитической жизни, 62% – к событиям международной жизни [1, с. 4].

Однако только наличия интереса к политике не достаточно для формирования компетентности в данной сфере, поскольку определяющим фактором здесь является степень информированности населения, которая напрямую зависит от регулярности получения информации и полноты поступающих сведений. Результаты ранее упомянутого исследования, проведенного среди учащейся молодежи республики специалистами Татарского обкома КПСС, показали, что ежедневно читают газеты и журналы 47% молодых людей республики, читают их несколько раз в неделю 43%, а каждый десятый не читает газет. В целом налицо достаточно заинтересованное отношение молодежи к общественно-политической жизни, но здесь следует учитывать тот факт, что советская молодежь постоянно побуждалась к чтению прессы активистами комсомольской организации, нередко вопреки ее желанию и интересам. Из этого становится ясен состав читаемых изданий (например, наибольшей популярностью в молодежной среде пользовались сатирические журналы «Чаян» и «Крокодил») и круг наиболее волнующих молодое поколение проблем, среди которых первые позиции занимают проблемы молодежных группировок, вопросы эстрады, любви, дружбы, а общественно-политические проблемы находятся во второй половине этого списка (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 290. Л. 44–45).

Между тем с принятием курса на ускорение социально-экономического развития страны, а после в связи с перестройкой политической системы советского общества существовавшая долгие годы и, как казалось, отработанная до мелочей система политпросвещения и политвоспитания начала давать сбои. Это приобрело характер серьезной проблемы к 1987 г., когда политическое руководство страны всерьез заговорило о гласности.

Молодежь все более открыто начинает выражать недовольство существующим порядком вещей. В этих условиях ни партия, ни комсомол часто не справлялись с ситуацией, что вызвало падение их авторитета в глазах молодежи.

Наиболее ярким примером недовольства и даже своеобразного протеста явилось письмо студента Казанского университета И. Ильина в редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь», написанное им в 1985 г. Основная мысль этого письма такова: «Как Вы считаете, девальвировалось ли звание (марка что ли?) комсомольца? Скажем, относительно тридцатых годов? Ну, пусть, пятидесятых? Я считаю, что да. Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 47. Д. 21. Л. 34)¹. Это письмо интересно еще и потому, что его автор не просто критикует существующее положение вещей, но предлагает меры по преодолению некоторых наиболее существенных, на его взгляд, недостатков комсомольской организации. В частности, он предлагает: «1) резко ограничить прием в члены ВЛКСМ... 2) исключать из членов ВЛКСМ всех, кто не достоин этого звания, 3) ...установить условия приема в члены ВЛКСМ... в 8–9 кл. ... рановато (для многих) вступать в комсомол... 4) ...начать эффективную борьбу с бюрократизмом и волокитством, 5) ...кончать с показухой...» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 47. Д. 21. Л. 35). Таким образом, замечания, выраженные автором письма, являют собой образец конструктивного суждения об общественно-политических

¹ Здесь и далее материалы приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

проблемах социума и отдельных его институтов, в частности комсомольской организации. Аргументация И. Ильина достаточно развернута и свидетельствует о высоком уровне его политической сознательности. Стоит отметить также, что высокая идейная убежденность автора в правоте социалистического образа жизни (он предлагает именно повысить авторитет коммунистического союза молодежи, а не отказаться от этой организации совсем) является характерной чертой менталитета советских граждан. Иначе и быть не могло в условиях идеологического господства марксизма-ленинизма в СССР.

Хотя далеко не вся молодежь республики проявляла подобную сознательность, следует все же указать на то, что проблемы, обозначенные автором этого письма, были подняты также в ответах представителей молодого поколения на проводимый опрос. Результаты данного исследования позволяют заключить, что политическое сознание молодежи в рассматриваемый период характеризовалось установкой на участие в общественно-политической жизни страны, а также потребностью реализовать это стремление. Так, не занимался общественной работой и не хотел ею заниматься каждый третий учащийся ПТУ и почти каждый шестой студент техникума. Причем в качестве причин, объясняющих их негативное отношение к общественной работе, молодые люди называли формализм проводимых мероприятий, добровольно-принудительный характер участия в них, отсутствие доверия со стороны старших (учителей и т. д.) (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 290. Л. 46). Потенциал активности, которым обладало молодое поколение, не реализовывался еще и потому, что существовавшая политико-правовая практика не позволяла молодежи в полной мере влиять на общественные процессы.

Масштабы проблемы падения авторитета комсомола и коммунистической идеологии в среде молодежи в годы перестройки приобрели угрожающий характер. Даже в отчетах райкомов и горкомов КПСС можно обнаружить замечания о том, что «бездействует большинство школ комсомольской учебы... комсомольцы остаются в стороне от идейного влияния» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 13. Д. 156. Л. 14). Формы учебы не отвечали все возраставшим в условиях гласности общественным запросам, а установка на массовый охват вступила в противоречие с дифференцированным подходом к интересам молодежи. Решения партии и комсомола о привлечении молодежи к активной деятельности, к участию в жизни государства и общества носили по большей части декларативный характер и, несмотря на то что был принят ряд постановлений (см. (НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 1770. Л. 1)), так и оставались на бумаге.

Отход молодежи от формальных структур продолжался, несмотря на внедрение новых форм политучебы – дискуссионных клубов, политбоев, встреч за круглым столом (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 386. Л. 29; НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 1703. Л. 28). Некоторый интерес вызывали у молодых людей, пожалуй, лишь дискуссионные политклубы, позволявшие обсуждать волнующие молодежь проблемы в режиме диалога. В связи с чем число таких клубов в республике возросло: если в 1986 г. их насчитывалось 58, то через два года – уже 284 (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 937. Л. 8). Тематика занятий в них была разнообразной – от социалистического образа жизни и перестройки до вопросов искусства и религии. Большинство из этих клубов находилось под контролем местных комитетов комсомола, но появлялись и независимые от партии структуры.

Важным новшеством в общественно-политической жизни страны и республики, оказавшим влияние на процесс политической социализации в этот период, следует признать появление новых для советской молодежи источников информации о политике на фоне заметного снижения значимости системы политического образования. В ней к 1989 г. было занято лишь 50% студентов. При этом ее ценность (по результатам опроса студентов) с 1987 г. по 1989 г. упала с 6% до 3.5%. Газеты и журналы в качестве источников информации о политике и политической жизни называли в 1989 г. две трети опрошенных, телевидение – примерно столько же. В числе новых форм повышения политической компетентности студенты нередко упоминали беседы со специалистами (в 43% случаев) и обсуждение политических проблем в дискуссионных клубах (28%). Изменение интереса молодежи к политической проблематике можно проследить и по тому, обсуждались ли вопросы политики молодыми людьми в процессе межличностного общения. Так, если в 1987 г. на обсуждение политических проблем указывали от 30% до 40% респондентов в разных возрастных категориях, то в 1989 г. их количество увеличилось до 45% [2, с. 67–69]. Данный факт свидетельствует о действительном, а не формальном росте интереса у молодежи к политическим вопросам.

Свою общественную активность в этот переходный период молодежь выражает в разных формах общественно-политической деятельности, в том числе в виде писем в органы власти, в редакции газет. Если рассмотреть редакционную почту двух крупных молодежных газет республики того периода – «Комсомолец Татарии» и «Татарстан яшларе» («Молодежь Татарстана»), то можно увидеть, что в конце 80-х – начале 90-х годов наблюдается рост количества писем читателей. Так, если в 1986 г. редакцией газеты «Татарстан яшларе» было получено около 8 тыс. писем, то в 1988 г. – уже более 12 тыс. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 49. Д. 58. Л. 62; Д. 98. Л. 181). Тематика полученных сообщений разнообразна, но более всего адресантов беспокоило следующее: недостатки в решении производственных, социально-бытовых вопросов (25%), проблемы во взаимоотношениях начальник – подчиненный (25%), проблемы семьи, школы и нравственности (23%), плохая организация досуга молодежи (20%), проблемы комсомола (7%) (ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 49. Д. 58. Л. 62; Д. 98. Л. 181).

Как видим, процесс формирования политического сознания молодежи республики в условиях перестройки уже не является процессом простого сохранения и передачи ценностей господствующей политической системы новым поколениям. Молодежь сама становится заинтересованной в том, чтобы обсуждать то, на чем десятилетиями лежала печать тоталитарного запрета. Участвуя в работе дискуссионных клубов и затрагивая проблемы политики в процессе межличностной коммуникации перестроечная молодежь таким образом начинает создавать новую политическую культуру общества, превращаясь в активный элемент политической жизни страны.

Однако дальнейшее развитие курса перестройки в стране, перегибы и пробуксовывания в его реализации, которые связывались лидерами страны и партии с так называемым механизмом торможения, и вызванное этим ухудшение условий жизни населения после 1985 г. привели к возникновению тенденции изменения взглядов части молодежи на политику. Тенденция эта проявилась главным

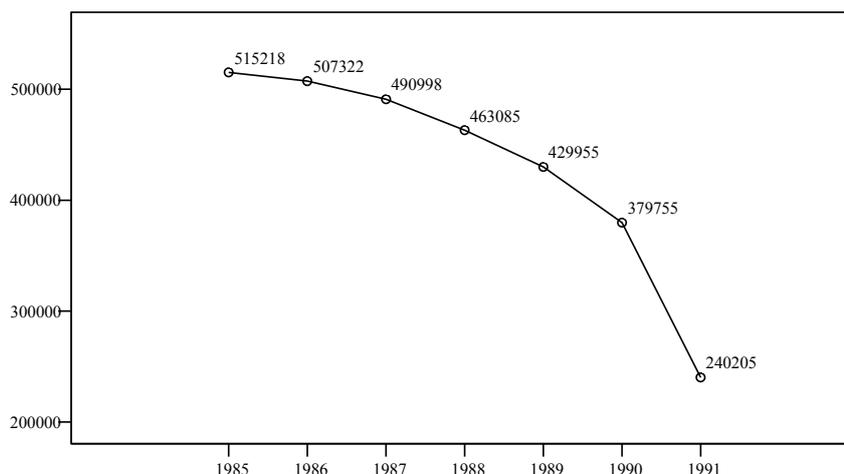

Рис. 1. Изменение численного состава Татарской областной комсомольской организации в 1985–1991 гг.¹

образом в ослаблении интереса молодежи к политике, скептическом отношении к процессу перестройки. Усиление обозначившейся тенденции происходит с углублением кризиса официальной идеологии. Молодое поколение конца 80-х годов, таким образом, начинает проявлять все более индифферентное отношение к политике, помещая на первый план ценности иного порядка – карьеризм, прагматизм, индивидуализм, – что имело очень большое значение в процессе трансформации общественно-политического устройства советского государства в тот период.

Изменение отношения молодежи к происходящим в стране переменам дополняется падением авторитета традиционных политических структур, в частности комсомола. На высокий авторитет ВЛКСМ в 1989 г. указывали только 4% студентов, тогда как на средний и низкий – 17.7% и 55.6% соответственно [2, с. 97]. В результате начинается массовый, ежегодно растущий отток молодежи из рядов ВЛКСМ (см. рис. 1). Из рисунка видно, что за шесть лет (с 1985 г. по 1991 г.) численность комсомольской организации Татарии сократилась на 46.2% (с 515 тыс. до 240 тыс.). Причем если в начальный период перестройки ежегодный отток находился в пределах 3% численного состава, то в 1987 г. он удвоился и составил уже 6%, повторное удвоение (до 12%) этого коэффициента произошло в 1989 г. Только за 1990 г. комсомол покинули две пятых части его состава, то есть практически каждый третий комсомолец.

Проведенный анализ изменения возрастного состава областной комсомольской организации показал неуклонное старение рядов комсомола (см. табл. 1). Таким образом, очевидно сокращение притока молодых людей разных возрастных категорий при естественном взрослении уже состоящих в комсомоле юношей и девушек.

¹ Сост. по ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 46. Д. 26. Л. 8–8 об.; Оп. 47. Д. 23. Л. 1–1 об.; Оп. 48. Д. 21. Л. 1–1 об.; Оп. 49. Д. 54. Л. 55–56; Д. 94. Л. 80–80 об.; Д. 142. Л. 142–142 об.; Д. 251. Л. 4.

Табл. 1

Изменение возрастного состава Татарской областной комсомольской организации в 1985–1990 гг. (в %)*

Возраст	Годы				
	1985	1986	1987	1989	1990
14–17	27.9	26.5	24.6	22.2	20.7
18–23	40.7	40.6	41.1	40.6	42.9
24–28	31.4	32.9	34.3	37.1	36.4

* Сост. по ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 46. Д. 26. Л. 8–8 об.; Оп. 47. Д. 23. Л. 1–1 об.; Оп. 48. Д. 21. Л. 1–1 об.; Оп. 49. Д. 54. Л. 55–60; Д. 94. Л. 80–80 об.; Д. 142. Л. 142–142 об.; Д. 251. Л. 4.

Все вышеизложенное свидетельствует о глубоком кризисе организации, а также о том, что существующие формы работы с молодежью саму молодежь больше не устраивали. Большинство молодых людей признавали, что комитет комсомола больше не пользуется авторитетом, а на проводимых мероприятиях нет возможности сопоставить различные точки зрения, поспорить о жизненной позиции (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 245. Л. 46).

Отход молодежи от формальных структур не ограничился выходом из рядов комсомола. Данная тенденция проявилась и в сокращении доли молодежи среди депутатов местных Советов – этот показатель сократился в 2.4 раза с 1985 г. по 1989 г. (с 33.7% до 13.8%) (подсчитано по НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 1695, Л. 13–13 об.; Д. 1824. Л. 1–1 об.; Д. 1886 а, Л. 4–4 об.). Сократилась и численность молодых делегатов областных партийных конференций с 20.5% в 1986 г. до 1.2% в 1990 г. (подсчитано по ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 14. Д. 1. Л. 86; Оп. 15, Д. 1877. Л. 1–276; Д. 1878. Л. 1–318). А партийные органы подняли тревогу по поводу сокращения приема в коммунистическую партию и уменьшения числа комсомольцев среди вступающих (см. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1554. Л. 3).

Тем временем молодежь республики предложила свою альтернативу комсомолу и партии в виде различных неформальных клубов и объединений, которые активно начинают формироваться в этот период. На 1 января 1988 г. в республике действовало 3894 любительских объединения и клуба по интересам, включающих в свой состав 106 тыс. человек. Из них 511 общественно-политических объединений, 220 производственно-технических, 151 естественно-научное, 1096 художественно-искусствоведческих, 378 физкультурно-оздоровительных, 31 коллекционно-собираательское, 1507 многопрофильных объединений (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 937. Л. 3).

Состав вновь возникающих образований был разнообразным, но заметную роль в них играли учащиеся, студенты и представители интеллигенции (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 937. Л. 64). Причем большинство членов неформальных объединений не являлись комсомольцами и коммунистами. Часто такого рода объединения возникали на почве недовольства формализмом и заорганизованностью официальных структур. Таким образом, мы можем говорить о протестном характере этих образований и высоком протестном потенциале политического сознания их участников. Среди мотивов своего участия в неформальном движении молодежь чаще всего выделяла возможность влиять на принимаемые

решения в городе и республике (68.7%), возможность свободно высказывать свои взгляды (56.2%), конкретные дела, в которых участвуют члены объединений (56.2%), возможность общаться по интересам (37.5%), возможность самоутвердиться таким образом (34.4%) (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1628. Л. 22).

Итак, значительное влияние на формирование политического сознания молодежи республики оказывала в этот период деятельность неформальных объединений. Среди неформальных объединений, возникших в конце 80-х годов, особый интерес для нас представляют такие, как общество «Октябрь» на историческом факультете и дискуссионный клуб «Гласность» при физическом факультете Казанского государственного университета (КГУ), клуб «Восхождение» при Доме ученых и студентов г. Казани, клуб «Комсомольская правда» им. Н.И. Бухарина (г. Набережные Челны) и др. При КГУ действовали также движение «Инициатива», экологическое движение, Инициативный центр Народного фронта, Альянс казанских анархистов, Русское патриотическое собрание (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2194. Л. 139–141). В Казани были также и неполитические объединения – Городская ассоциация молодежных инициатив, Трудовое объединение молодежи и др. (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2194. Л. 196 об.).

Рост влияния на молодежь подобных неформальных объединений к концу 80-х годов становится все более очевидным. Так, группа студентов физического факультета КГУ в 1987 г. предприняла попытку выйти на ноябрьскую демонстрацию с неформальными лозунгами, а в дни празднования 100-летия со дня сродки казанских студентов с участием В.И. Ульянова студенты университета провели альтернативную сходку, во время которой были подняты наиболее острые проблемы студенческой жизни. Эти события получили широкий общественный резонанс. В результате сформировался дискуссионный клуб «Гласность» физического факультета КГУ. Он стал популярен настолько, что превратился в своеобразный центр политических дискуссий в городе, а треть его состава даже не имела отношения к университету (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2194. Л. 80–81).

Протестный потенциал политического сознания молодых участников неформальных объединений начинает реализовываться в нетрадиционных для советских людей формах. Такая особенность молодежных предпочтений, по-видимому, была связана с трудностями в достижении целей традиционными способами. Обращение к властям для решения накопившихся проблем привычными конституционными методами показало свою малую эффективность, и поэтому общество начинает прибегать к радикальным способам воздействия – распространению листовок, проведению митингов и демонстраций, организации пикетов. Массовые демонстрации не были чем-то необычным для советских людей, но речь здесь идет вовсе не о праздничных шествиях по случаю 1 Мая или 7 ноября, а о демонстрациях, организованных оппозицией или возникающих стихийно, где поднимались различные политические проблемы. За период с 1 января 1988 г. по 1 июня 1989 г. только в Казани самостоятельными организациями было проведено 19 митингов и 2 демонстрации (в том числе 4 несанкционированных митинга и 1 демонстрация) (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 1628. Л. 38).

Наращение митинговой волны наметилось весной 1990 г. Митинги стали носить все более агрессивный, тенденциозный характер, сопровождалась игно-

рированием и прямым нарушением законов. Митинги, прошедшие 25 февраля и 10 марта 1990 г., вовсе оказались вне контроля партии, а главными выдвигавшимися на них лозунгами были «Вся власть – Советам!», «Долой КПСС!», «КПСС – чума XX века!», «Ленин – главный террорист XX века» (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2223. Л. 66).

Постепенно произошла консолидация неформальных политических сил, был создан Инициативный центр Народного фронта ТАССР, усилилась политизация движения под лозунгами борьбы с бюрократическим произволом, контроля за деятельностью государственных и партийных органов. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 18 июня 1987 г. «О негативных проявлениях в деятельности некоторых неформальных объединений» партийные структуры на местах стали уделять больше внимания самостоятельным объединениям и поиску форм влияния на них (ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 937. Л. 42). Однако время было безвозвратно потеряно, а значительная часть молодежи уже сделала свой выбор.

Наряду с этим к 1988–1989 гг. в регионах начинаются процессы, вызванные необходимостью решения национального вопроса. Диспропорции в политических и социально-экономических полномочиях регионов вызвали к жизни процесс, известный в отечественной историографии под названием *парад суверенитетов*. Этому параду предшествовал действительный рост национального самосознания в регионах. Процесс этот, безусловно, коснулся и молодежи Татарской АССР, в связи с чем в 1988–1989 гг. мы наблюдаем некоторый рост интереса к политике и политическим проблемам в молодежной среде. Правда, этот интерес, в отличие от предшествующего периода (начала перестройки), был связан скорее с негативными процессами в обществе, с поиском дальнейших путей решения накопившихся проблем и ростом радикализма.

Молодежь все более активно включается в этнополитическую деятельность национальных движений. Этому способствует целый ряд причин. Наряду с отмеченным выше ростом радикализации сознания можно выделить наличие межнациональных проблем и появление у молодежи резко отрицательного отношения к некоторым национальностям (осенью 1988 г. от 20% до 60% студентов в разных регионах страны отметили это) [3, с. 72–73]. Интерес молодежи к национальным движениям был связан еще и с тем, что эти движения не только занимались решением проблем языкового и культурного развития наций, но и пытались формировать определенные политические ценности и образцы поведения у молодежи. К тому же, как отмечают исследователи, «национальные движения заняли... “нишу” политической оппозиции в условиях, когда политические партии разрознены, практически неизвестны большинству избирателей» [2, с. 74].

Политизация массового сознания, произошедшая в этот период, особенно сильно проявилась во время выборов народных депутатов СССР, а также во время национального самоопределения Татарстана. Исследователями отмечается ослабление классовых мировоззренческих позиций и формирование в политическом сознании молодежи убеждения в том, что классовая и общечеловеческая позиции не совпадают и приоритетной является последняя [1, с. 6–7].

Период политической борьбы начала 90-х годов показал недостаточную зрелость политической культуры и политического сознания у части молодежи.

Молодые люди часто становились мишенью пропагандистских действий самых разных политических и национальных групп. Некоторые молодые люди нашли применение своей энергии в молодежной националистической организации – Союзе татарской молодежи «Азатлык», другие вовсе отошли от политики, утратив интерес к политическим вопросам.

Специфику взаимодействия молодежи и национального движения в республике в этот период ярко иллюстрирует прямая корреляция между отношением к национальному вопросу и языковыми предпочтениями респондента: татароязычное население республики чаще высказывалось в пользу суверенитета, и наоборот. Сторонники активных действий в Татарстане были хотя и немногочисленны, но достаточно радикальны. В числе ратовавших за чистые национальные браки, национальные квоты и активные действия чаще встречались сторонники экономической и политической самостоятельности Татарстана [3, с. 75].

Как видим, в условиях отхода от официальной идеологии, сопровождавшегося разрушением социальных связей, усилилась роль национальности как традиционно значимого признака социальной идентификации. Именно поэтому, по мнению Л.М. Дробижевой, в Татарстане в 1991–1993 гг. активно развивается национальное движение [4, с. 77]. И молодежь, будучи неиндифферентной социальной группой, включается в него.

Правда, после 1991 г. отмечается некоторая разочарованность части молодых людей в перестроечных идеалах, связанная с осложнением ситуации в стране и невозможностью что-то в ней изменить. В связи с принятием Декларации о государственном суверенитете Татарстана и Конституции Республики та часть молодежи, которая активными действиями добивалась этого решения, также отказывается от активного участия в политической жизни. Об этом свидетельствует хотя бы уменьшение доли молодежи среди участников съездов Татарского общественного центра. Так, если на втором съезде (1991 г.) молодежь в возрасте до 30 лет составляла 8,6% участников, то уже на следующем съезде в 1993 г. – только 4,5% (подсчитано по ЦГА ИПД РТ. Ф. 8246. Оп. 1. Д. 59. Л. 29; Д. 146. Л. 58). После распада СССР и обретения Татарстаном суверенного статуса у значительной части татарстанской молодежи заметно снизился уровень интереса к политике.

Следствием обозначенной тенденции явился масштабный рост абсентеизма в среде молодежи. Так, в выборах президента России 12 июня 1991 г. приняли участие только 34,1% опрошенных, тогда как 57,4% респондентов не участвовали в них. Предположение о том, что татарстанская молодежь бойкотировала выборы президента России, подтверждается не в полной мере, ведь и в выборах в органы власти Татарстана приняло участие только 41,6% (52,3% не участвовало). Весьма интересными представляются и основания неучастия в выборах: 21,6% опрошенных не имели такой возможности; 13,8% признались, что не интересуются политикой; 8,1% разочаровались в проводимой политике; 8,8% считают, что их участие в выборах бессмысленно, так как все решено заранее, 4,0% респондентов заявили, что не помнят – голосовали или нет [3, с. 82–83].

К середине 90-х годов в условиях разнонаправленности политических процессов и осложнения социально-экономической ситуации молодежь все более отходит от политики, переориентируясь на реализацию личностных и прагма-

тических интересов. При этом все большее число молодых людей соглашается с тем, что демократический опыт начала 90-х годов оказался неудачным и это является причиной неверия молодежи в существующую власть и скорейшее улучшение жизни. Таким образом, начинает происходить трансформация политического сознания и культуры молодежи, вызванная процессом общественно-политических и социально-экономических изменений в стране и республике в этот период.

Итак, говоря об особенностях политического сознания молодежи республики и ее общественно-политической активности во второй половине 80-х – начале 90-х годов XX века, следует обозначить основные, на наш взгляд, моменты. Во-первых, политическое воспитание молодежи посредством традиционных для советского общества форм в условиях перестройки не только оказалось неэффективным, но и (ввиду консервативности и идеологизированности) способствовало разочарованию молодежи в идеалах социализма, которое формализмом и заорганизованностью официальных структур, в частности комсомола, только усугублялось. В итоге молодежь, отказываясь от привычных форм участия в жизни общества, начинает реализовывать свой возрастающий интерес к общественно-политической жизни посредством деятельности в новых, неформальных структурах. Появление и бурное развитие такого рода объединений в республике сигнализировало о начале формирования в обществе автономной политической силы, которая в итоге бросила вызов монополии КПСС на все виды организованной политической деятельности, вовлекая в свои ряды активную молодежь и иницируя процесс выхода из комсомола и партии.

Во-вторых, по мере усиления противоречий в развитии социалистического общества происходит все более явный отход населения от официальной идеологии, что приводит к деформации в сознании молодежи социалистических детерминант – убеждений, ценностей, установок – и к последующей их утрате. Большая часть молодежи оказалась не готова к ситуации смены ориентиров, а потому самоустранилась от общественно-политической деятельности, находя применение своей энергии в различных неполитических объединениях.

В-третьих, активное включение части молодежи республики в растущее национальное движение во многом было связано с нереализованным протестным потенциалом ее политического сознания. Пропагандистская деятельность идеологов татарского национального движения в республике способствовала усвоению некоторыми молодыми людьми националистических идей и их вовлечению в деятельность национальных организаций, во многих из которых господствовали радикальные настроения. Необходимо подчеркнуть, что лишь часть молодежи участвовала в национальном движении вполне осознанно.

В-четвертых, политическая неразбериха, возникшая после распада СССР, социально-экономические проблемы и недочеты первого опыта реформ вызвали в молодежной среде республики пессимистические настроения по поводу будущего, а это в свою очередь привело к снижению интереса к политической сфере. Для значительной части молодежи стали характерны апатия, цинизм, озлобленность, стремление уйти в себя или в какой-то иллюзорный мир, где нет подобных проблем. Однако при этом молодежь достаточно хорошо понимала, что возврат к существовавшей долгие годы системе идеологического однообразия

и запрограммированности действий их не устроит. Основная часть молодежи начала 90-х годов ясно осознавала необходимость демократических преобразований, самоустранившись лишь от активных политических действий по принципу «мое участие ничего не меняет» или «пусть взрослые разберутся».

Summary

A.S. Bushuev. Political Consciousness and Social and Political Activity of the Youth of the Tatar Republic in the Conditions of Breakaway from the Official Ideology (Late 1980s – Early 1990s).

The article describes the evolution of political consciousness and social and political activity of the youth in the Tatar ASSR during the period of *Perestroika* (Restructuring), the crisis of the Soviet social and political system, and breakaway from the official ideology on the basis of the analysis of unpublished archival materials. It is shown that the formation of political consciousness among the youth in this period was greatly influenced by new sources of information, which appeared as a result of the development of *glasnost* (policy of openness and accessibility of information), as well as the development of informal and national movements in the Republic.

Key words: political consciousness, youth, social and political activity, the Republic of Tatarstan.

Источники

Уст. – Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи. Утвержден XX съездом ВЛКСМ. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 32 с.

ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15 (Татарский Республиканский комитет КПСС).

ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034 (Татарский Республиканский комитет ВЛКСМ).

ЦГА ИПД РТ. Ф. 8246 (Всепатарский общественный центр).

НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-3610 (Президиум Верховного Совета ТАССР).

Литература

1. *Щегорцов А.А.* Политическое сознание молодежи: состояние, тенденции развития // Общественное сознание и молодежь: Сб. ст. – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1989. – С. 4–7.
2. *Щегорцов А.А., Щегорцов В.А.* Советская молодежь: эволюция политических взглядов (Социол. фрагм.). – М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. – 143 с.
3. *Несмелова М.Ю.* Политическое поведение студенческой молодежи в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 1995. – 119 с.
4. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.

Поступила в редакцию
03.05.09

Бушуев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: a_bushuev@mail.ru